

ИДЕЙНО-СМЫСЛОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ТВОРЧЕСТВА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

УДК 821.161.1

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-2112-24-31>

Н. И. Неженец

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация
e-mail: nicknezhenets@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается идейно-смысловое основание художественной прозы Достоевского. Отмечается, что писатель не создал ни одного философского сочинения, но все его произведения посвящены постижению человеческого духа. Достоевский исследует самые потаенные всплески сознания, последовательно проводя ключевые мысли-идеи: идею личности как самостоятельной духовной ценности, идею человеческого страдания и идею Бога как высшего этического явления и мистической сущности бытия. Идея спасения человечества соотносится у Достоевского с темой «иночества в миру». Раздумье о жизни земной и запредельной – тема явно трансцендентная, богочеловеческая, внесшая обобщенно-трагическое начало в прозу Достоевского. В его произведениях все существенные грани бытия связываются с темой апокалипсиса, мирского спасения и преображения, с идеей исторической миссии России и особой миссии русского народа, соборно освоившего огромное жизненное пространство.

Ключевые слова: русская литература XIX века, Достоевский Федор Михайлович, роман «Братья Карамазовы», роман «Бесы», идейное содержание прозы Достоевского, историческая миссия русского народа.

Для цитирования: Неженец Н.И. Идейно-смысловое содержание творчества Ф.М. Достоевского // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №2 (112). С. 24-31. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-2112-24-31>

THE IDEOLOGICAL AND SEMANTIC CONTENT OF F. M. DOSTOEVSKY'S CREATIVITY

Nikolai I. Nezhenets

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation
e-mail: nicknezhenets@yandex.ru

НЕЖЕНЕЦ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ – доктор философских наук, профессор кафедры литературы и лингвистики, Московский государственный институт культуры

NEZHENETS NIKOLAI IVANOVICH – DSc in Philosophy, Professor at the Department of Literature and Linguistics, Moscow State Institute of Culture

© Неженец Н.И., 2023

Abstract: The article examines the ideological and semantic basis of Dostoevsky's fiction. It is noted that the writer did not create a single philosophical composition, but all his works are devoted to the comprehension of the human spirit. Dostoevsky explores the most hidden bursts of consciousness, consistently conducting key thought-ideas - the idea of personality as an independent spiritual value, the idea of human suffering and the idea of God as the highest ethical phenomenon and the mystical essence of being. The idea of saving humanity is correlated with Dostoevsky with the theme of "monarchism in the world." Thinking about the life of the earthly and beyond - the topic is clearly transcendent, God-human, which introduced a generalized and tragic beginning into Dostoevsky's prose. In his works, all significant facets of being are associated with the theme of the apocalypse, worldly salvation and transformation, with the idea of the historical mission of Russia and the special mission of the Russian people, who soberly mastered a huge living space.

Keywords: 19th-century Russian literature, Fyodor Mikhailovich Dostoevsky, the novel "The Brothers Karamazov," the novel "Demons," the ideological content of Dostoevsky's prose, the historical mission of the Russian people.

For citation: Nezhenets N. I. The ideological and semantic content of F.M. Dostoevsky's creativity. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 2 (112), pp. 24-31. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-2112-24-31>

Ф. М. Достоевский в равной степени предстает как великий писатель и как великий мыслитель, его идеи обогатили не только художественную литературу, но мировую философию. Первое неоспоримо: его трагическое пятикнижие – от «Преступления и наказания» и «Идиота» до «Бесов», «Подростка» и «Братьев Карамазовых» – неизменно завораживает читателя стиливой сложностью художественно-образного письма и изысканной неожиданностью структурно-сюжетных решений. Как мыслитель он не создал ни одного сочинения, которое позволило бы ему выказать себя чистым исследователем обобщенных явлений бытия мирского, и это несколько озадачивает, требует доказательного пояснения. Все его раздумья о связях и столкновениях, из которых сплетается кружево людской суеты, неподдельно совмещаются с диалектикой идей, в орбиту которой введены его герои, где они хлопочут, переживают, мучаются, пытаясь оспорить стихию своего бытового пребывания на земле.

Идейная ценность героя, личностно сращенная с его характером через грани реплик, суждений, конкретного действия, к которым он предначертан волею судьбы, образует смысловую направленность текста. Поведение человека тут естественно скреплено с его говоре-

нием, так что одно нельзя оторвать от другого. Идея становится судьбой и смыслом жизни.

Заметим, Достоевский создавал обобщенно-личностные характеры, представляющие интересы народа, нации, даже человечества в целом. Его Родион Раскольников от имени всех живущих попробовал мысль разрешить, можно ли убивать другую жизнь. И он весь в этой мысли-идее и весь в переживаниях, вызванных ее стихией. Красавица Настасья Филипповна в романе «Идиот» отказывается от княжеского титула и миллиона праведника Мышкина, но берет из рук ростовщика Рогожина завернутые в грязную газету сто тысяч рублей, чтобы бросить их в огонь и тем самым вынести приговор себе и всему свету, с вождением взирающему на ее красоту и деньги, смешанные с бесчестьем. И кажется, положительно исправить мир, «во зле лежащий», и даже сохраниться в «омуте» его столь скверной, столь аморальной обыденщины и мглы уже никак нельзя. Настасья Филипповна была убита, а душевно чистый и бескорыстный, как ребенок, князь Мышкин, спустившийся со швейцарских гор, где он лечился, и пожаловавший, подобно Христу, в людское бытование с идеей истины и добра, еще более погрузился в сумасшествие...

Художественная проза Достоевского органично связана с его философскими размышлениями. В романе «Бесы» герои страстно желали переделать жизнь общественную. Автором плана выступает некий Шигалев, наделенный, по сведениям писателя, непомерно «длинными, широкими (и) толстыми ушами, врозь торчавшими». Система в мозгу этого «теоретика от революции» окончательно не сложилась, но «поправка» к иррациональности человеческой психики отчетливо высветилась: положение о «безграничной свободе» должно заменить другим – о «безграничном деспоте», когда каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносить. И все рабы. И далее предлагается предельно понизить «уровень образования, наук и талантов» [2]. Именно к новому миропорядку и устремляются герои «Бесов», собираясь положить при этом не менее ста миллионов «голов», причем «не самых худших».

В состоянии глубочайшего драматизма также попадает с идеей своего благополучия подросток в романе с одноименным названием. Герой этот, по сути, безгрешен, но уже ненароком испорчен возможностью разврата. Он еще сохраняет в себе душевное целомудрие, но, тем не менее, допускает порок в свои мысли; он живет в относительном достатке, но с надеждой и упорством грезит попасть в молочные реки с кисельными берегами, что могло бы принести ему так нужный «для себя» заветный миллион.

В романе «Братья Карамазовы», которому Достоевский отдал около 13 лет, главным героем, по первоначальному замыслу, должен был стать послушник старца Зосимы Алеша. Но в центр повествования неожиданно выдвинулся, благодаря легенде о «Великом Инквизиторе», Иван, так что Алеша был отодвинут им, и все, сюжетно написанное, стало восприниматься не более чем «введением» к тому, «ненаписанному», что обдумывалось автором тогда же, на исходе 1880 года, и где Алеша мог бы занять заглавное положение с его идеей «иночества в миру».

Миссию «иночества» возлагает на Алешу Зосима: он же благословляет его на «мысль

семейную», вследствие чего Алеша становится в вышедшей части романа духовным противником Ивана. Теперь он всем своим словом, всеми поступками и мирским действием должен противостоять старшему брату. «Иночество в миру» ни в коей мере не отрицает «иночества над миром»; напротив, первое здесь органично сращено со вторым, мирское, земное питается божественно-небесным, черпая из него необходимо полезное, духовно горнее и тем самым составляя вместе единое целостное. Иван ставит проблему зла. Опираясь на примеры страшного и безобразного, чем потрясает его страдание невинных младенцев, он говорит брату: «Не Бога я не принимаю, Алеша, я только билет Ему почтительнейше возвращаю» (билет на вхождение в мир вечного блаженства и гармонии в Царстве Небесном). Иван, подобно Вольтеру, выступает не против бытия Бога, но против сотворенного Богом мира, в котором страдают и гибнут дети. Окрест толкуют: гармония, гармония!... – а вот он, Иван Карамазов, припомнил, как некий помещик, заметив, что его любимая гончая хромот, на глазах у матери затравил сворой собак ее маленького сына, дворового мальчика, лет восьми, накануне неосторожно бросившего камешек... Иван отказывается «от высшей гармонии», ибо она не стоит слезинки замученного ребенка [3].

Инквизитор, по легенде, изгнавший Христа с земли, не верует в Бога. В существовании Бога сомневается и сам Иван, ибо по его формуле («если Бога нет, то все дозволено») другой его брат, Смердяков, пусть и «незаконно» рожденный, решается на отцеубийство. Все это происходит оттого, что человек «слаб и подл»; он только и «хочет есть»; он говорит: «накорми, а тогда и спрашивай». Но человек, по Ивану, – еще и бунтарь, революционер; ему невыносимой представляется возложенная на него каждодневная и душевная работа, связанная с бытовым и естественным разграничением: что есть добро, а что есть зло, – и он даже готов отказаться от хлеба насущного, если бы кто-то на себя взял за него это самое трудное и сложное нравственное дело.

Вот почему, по измышлению Ивана, человеку оказывается полезнее и ближе не Сын Божий, пришедший на землю спасать и оберегать его от греха, но сухой девяностолетний Инквизитор, по своему замыслу устроивший в миру «единый и согласный муравейник».

Достоевский антропологически сосредоточился на философии духа. В его трагической прозе сошлись существенные идеи истории, этики, религии, общественной жизни. Он принадлежит к тем художественным умам, которые страдают от изобилия и глубины мысли. Ранний социализм его в кругу Белинского и Петрашевского следовало бы назвать «христианским натурализмом». В нем надежды человека возлагались на Христово озарение, что входило в мир через Боговоплощение и Преображение Спасителя. Это было «христианство без Голгофы», но с Вифлеемом и Фавором. Автор «Бедных людей» и «Неточки Незвановой» шел к радикально настроенным людям с верой в естественное добро человеческой природы и в естественную возможность мирского счастья, к которому, бесспорно, можно прийти тем же естественным путем. В воззрениях молодого Достоевского решительно угадывалось неприятие учения Канта о «радикальном» зле человеческого существа, а также известная отстраненность от доктрины первородного греха и доктрины искупления и спасения во Христе. Сказывался непосредственно, конечно, руссоизм в сочетании с шиллерлианством, к чему примешивалось еще признание «святыни» души человеческой, ее совершенства от Жорж Санд.

Сознание писателя связывалось в орбите мирской взаимности. Но тут Достоевского стал «мучить» Бог. Он теперь всегда мучил его, так что в итоге в его творчестве родилась тема взаимоотношений Бога и мира. Не только Бог «мучил» Достоевского, но и он всю жизнь боролся и мучил в себе Бога, что в конечном счете легло в основание диалектики всего его духовного процесса. В ранней «революционности» Достоевского идея правды на земле не отстранялась от веры во Христа. Он пришел с Богом в научную обитель соци-

ализма и очень скоро отошел от Белинского, потому что тот поругивал Христа. Увлечение радикальными идеями подвело его религиозное сознание к основным постулатам культуры, к вере в доброе начало в человеке, в его естество. Позднее Достоевский писал, что величайшая красота и чистота человека обращаются ни во что, потому что всем этим дарам не хватило гения, чтобы «управить» этим богатством. Философия писателя имела несколько исходных точек. Она в существе своем антропологична. Персонализм, положенный в ее основание, является этическим. Это значит, что неразложимость и ценность человеческого существа совмещены не с его высшими эмпирическими всплесками и достижениями, возникшими благодаря усилиям реальности, а с его онтологией, включенной как явление в порядок природы и неустрашимо подчиненной ее законам. Разумеется, такое положение вовсе не исключает его свободы; напротив, подлинная суть человека, его духа – «в его свободе, и только в ней»; он может и должен быть независим от природы.

В «Записках из подполья» у Достоевского сказано, что человек поминутно должен доказывать себе, что он человек. Подлинное в человеке определяется смыслом его жизни. Здесь, и только здесь, заключается то «новое и высшее», что составляет его «несравнимое» бытие. Это и есть «апофеоз» человека, ставящий его «если не в центр мира, то в важнейшее и драгоценное явление». Достоевский исследует грани добра и зла в человеке и, исследуя, пытается понять, чего больше в нем – положительно необходимого или прямо противоположного, аморально ненужного, считая при этом одно и другое явлением духовного порядка, отнюдь не связанным с биологическими процессами в миру. Собственно, таинство человека в том и состоит, что он есть существо этическое, неизменно и неуступчиво сохраняющее в себе дилемму добра и зла, от чего ему никуда нельзя уйти. Он будто приговорен к изначально неразрешимому в себе: что есть человек? куда, с чем и зачем он идет по свету? Отсюда, по Достоевскому, в онтологии человека – вся роковая

неустроенность его духа: кто не идет по пути добра, тот непроизвольно вступает на путь зла. Такая существенно-этическая направленность человека есть непредвзятая идея в творчестве писателя. Но человек – существо не только неустойчивое в своей этике, но еще и явление легкомысленное, менее всего действующее для собственной выгоды. Впрочем, вопрошает Достоевский устами Парадоксалиста, когда бывало, чтобы человек действовал только из собственной выгоды? Представление о том, что он полностью исчерпывается со стороны рассудка и благоразумия, есть чисто странное заблуждение, ибо натура человеческая действует вся целиком – всем, что в ней есть сознательного и бессознательного; его «хотенье» если и сходится с рассудком, то тут же и расходится с ним. Герой «Записок из подполья» прямо заявляет, что он хочет жить для того, чтобы удовлетворить всей своей «способности жить»; и далее поясняет: самое дорогое для человека – свое собственное, свободное хотение. Истинное понимание человека лежит глубже его сознания, его совести и разума; тут непременно надо забраться в его «подполье», где «он сам».

Достоевский отметил три причины, которые могут подвести мир к гибели. Первая заключена в его неотвратимой привязанности к золоту. Если оно для большинства станет «Ваалом, богом, идолом», это неизбежно приведет в жизни к контрасту роскоши и нищеты – как следствие – к неуправляемому росту преступности, бедственным всплескам в народе, к безудержному и опасному развитию технической цивилизации. Автор известного на Западе романа «Крест без любви» Генрих Белль назвал Достоевского «самым «антибуржуазным» писателем в XIX столетии. Но к роковому исходу несомненно ведет еще и неуклонно растущий в обществе эгоцентризм, порождаемый буржуазными порядками вещей и донельзя «раскрепощающий» мысль и поведение человека. Свобода, по Достоевскому, явление созидательное; но она становится «страшной и разрушительной силой», если неукротимо разовьется в идею абсолютной

непогрешимости, так что человек начинает чувствовать в себе полную независимость от общих правил и предписаний. Тогда-то в нем и возникает то, что способно обернуться потерей всяких мирских идеалов, холодной разобщенностью людей и, в конечном счете, отрицанием всякого верования. Своеволие одних, по сути, немногих, бездумно и эгоистично подминает воление миллионов других.

Заметим, Фридрих Ницше, словно сошедший в своем неприятии христианства со страниц достоевских «Бесов», в России начала XX века был намного популярнее, чем у себя на родине. Немалое число русских философов склонилось к увлечению его эгоцентризмом, но в итоге ни один из них не сделался «ницшеанцем», тогда как на западе возникали целые ницшеанские «школы». Не «осели» в кругу идей Ницше ни Д. С. Мережковский, ни С. Л. Франк, хотя одно время и весьма страстно почитали их и писали о них. Формуле Ницше – «Бог умер» и «Христианство – религия смерти» – Франк жизнеутверждающе предложил свою, вынеся ее в название книги: «С нами Бог!» (1946). Неприятие русскими мыслителями ницшеанства непосредственно было обусловлено трагической романистикой Достоевского, приоткрывшей безнадежные бездны нигилизма в мирских судьбах своих персонажей. В суждениях Парадоксалиста, Раскольников, Кириллова, Шигалева, Николая Ставрогина и особенно Ивана Карамазова Достоевский, по сути, «изложил всего почти Ницше», как бы пророчески предощущая тем самым неизбежное появление на западе философа такого типа. Это, кстати, отметят позднее сначала С. Н. Булгаков в лекции 1902 года, а затем Вяч. Иванов в статье «Лик и личины России» (см.: сб. «Русская мысль», 1917). Третья причина, еще более действенная, соединялась с равнодушием в мирской среде. Ничто не спасет мир, писал Достоевский, если «паралич души» проникнет в него и поразит большинство людей, если идеи, открыто высказанные Парадоксалистом в «Записках из подполья» (1864) и затем запавшие в мечтание «подростка» Аркадия Долгорукого

(1877), овладеют решительно всеми массами. Философия «умного человека», эгоистично заявленная в его откровении, есть «сознательное сложа-руки-сидение», когда человеку нужно лишь спокойствие.

Однако художественный образ мира у Достоевского вовсе не сводился к хаосу и абсурду, к чему всей зримой реальностью склонялся его век. И в новелле «Сон смешного человека», и в «недописанном» романе «Братья Карамазовы», и в пророческой «Речи о Пушкине» Достоевский неуступчиво, с надеждой и решимостью, устремлялся к миру и с миром людским шел через тьму, не собираясь вовсе отдавать тьме последнее слово. Уже в новом веке Альберт Эйнштейн скажет по этому поводу, что Достоевский – это жажда гармонии. Книги Достоевского вовсе не ведут человека к безысходности и тупику, не ввергают его в состояние безысходно глухой никчемности и уныния, но положительно возбуждают в нем иное уmonoстроение, нравственно очищающее и возвышающее душу. Писателя неуклонно занимала мысль о возможностях преображения мира, идея возвращения его к тем бытовым содержательным очертаниям, что некогда совмещалась с небесными кущами в «Потерянном рае» Мильтона, а еще ранее теребило сознание Рабле о «Телемском аббатстве» и Томаса Мора о стране «Утопии» и далее – о «золотом веке». Он с болью в сердце воссоздавал миссионерский образ Руси-России, которой, будто свыше и самой историей, предписано страдать и, страдая, бороться с безнравственной нечистью на грешной земле, оберегая ее духовно-божественные постулаты добра, красоты и истины.

Достоевский писал евангелие бытия. Спасение мира, полагал он, в спасении России; и сама она только тогда спасется, если (так ей свыше предписано) будет спасать и спасет мир, – или погибнет, а с нею погибнет, уйдет в никуда и весь Запад. Опора в таком деле безусловно виделась ему в особых качествах спасающей силы. Тот, кто хочет судить о России, запишет он в «Дневнике писателя» за 1876 год, должен оценивать ее не по тому, что делают

от ее имени, а по тем идеям и идеалам, к которым стремится русский народ.

В «Творческих тетрадах» он отмечал, что «народ – основа живой жизни». Но «болезнью века» Достоевский называет разрыв народа и интеллигенции. Последней надлежало бы заняться просвещением мирской среды, вместе с тем одновременно черпая из ее духовного кладеза высокие нравственные ценности. Незадолго до смерти писатель признавался, что все его творчество было стремлением «при полном реализме найти в человеке человека», ибо увидеть человека в другом – значит обрести в себе Бога. Идею спасения мира Достоевский связывал с человеком. По его мысли, не столько человек зависит от мира, сколько мир от человека, в чем, кстати, в известной степени расходился с Толстым. Лев Толстой полагал, что человек весь в миру и миром управляется, тогда как Достоевский был убежден, что человек может быть настолько силен, что мирской люд следовало бы считать «на миллионы», но с точностью «до единицы». Наполеон занялся в миру «душевной организацией» Европы и сумел всю ее двинуть в 1812-м против России; Николай Ставрогин в «Бесах» собрался внедрить схожий замысел в дело «бесовской» революции внутри России. Наверное, и один и другой имели в себе в качестве примера нашего Спасителя: еще в начале нового времени Христос дал всему новому миру организацию и духовной и земной жизни.

Собственно, духовное преображение человека, самоопределение его существа становится основанием соборного начала в нем. Заметим, понятия соборности в сознании западноевропейского человека не существует; оно свойственно разве что русскому, и оно только и есть в обиходном разделе его истинно русской словесности. Введенная в обиход еще А. С. Хомяковым и обоснованно поддержанная Достоевским, идея соборности обрела особенную значимость в «Речи о Пушкине», где была представлена автором в качестве характерной черты русского сознания и где она однозначно сближалась с другим поня-

тием, по определению ставшим традиционным как явление «всемирной отзывчивости». Достоевский свято противопоставлял идею соборного единения людей идее революции и «революционного социализма». В «Дневнике писателя» за 1973 год он с предупредительной тревожностью писал о том, что «новые радетели человечества» готовы «во имя пролетария положить на плаху не менее ста миллионов человек», – и положат, и причем «не самых худших голов», ввергая страну, да и весь мир, в сущую неразбериху и хаос. И как следствие на исходе жизни его тревожил новый и последний вопрос: но можно ли выбраться из такого черного омута к каким-то граням мировой гармонии, о чем грезят все эти «радетели» социальной революции, и если все-таки можно и можно только таким образом, то стоит ли это выстроенное ими на крови и слезах царство гармонии и его несметное благосостояние «даже одной слезинки замученного ребенка»?

Мысль Достоевского, столь естественно сросшаяся с его художественным творчеством, определялась особенностями всей русской литературы. Последняя, собственно, и несла в себе те мысли-идеи, которыми жили и, переживая, намеревались решать в своей общественной жизни выдающиеся писательские умы. Русская философия в существе своем рождалась в литературе и ею подпитывалась, и в ней развивалась и крепчала вплоть до исходных десятилетий XIX века. Выдающийся философ А. Ф. Лосев уже в новую эпоху назовет поэзию и прозу от Пушкина до Чехова неисчерпаемым кладом самобытной русской философии. Еще раньше другой мыслитель, С. Н. Булгаков, в публичной лекции «Иван Карамазов как философский тип», прочитанной 21 ноября 1901 года в Киеве, заметит: «До сих пор мы, русские, мало чем обогатили мировую философскую литературу, и единственным нашим оригинальным философом остается пока Влад. Соловьев. Однако если мы не имеем обширной и оригинальной научной литературы по философии, то мы имеем наиболее философскую изящную литературу...

ру... и в этом отношении в течение XIX века, по крайней мере второй половины его, мы в лице Достоевского и Толстого, даже Тургенева, в меньшей степени и Чехова – идем впереди европейской литературы, являясь для нее образцом. Великие сокровища духа скоплены в нашей литературе, и нужно уметь ценить их». И далее особенно сосредоточился на мысли о Достоевском, которого назвал «гениальным художником, великим гуманистом и народолюбом» с «выдающимся философским талантом» [1, с. 193–194].

Следует заметить, европейские писатели ставили вопросы в основном социально-общественные, бытовые, тогда как в русской литературе и герои, и сами творцы-авторы дышали обобщенно-вселенским, соборно-земным, вековечным. В России XIX века наметился небывалый взлет русского духа. Его исповедальное откровение, пророческое «заглядыванье» в дали сущего и проповедование вообразимо-зримого сделались обыденным и необходимым явлением в крепнущей культуре страны и одновременно подвижническим делом в истории мировой культуры. Русские писатели решали вопросы «существенно сущие»: как жить, чему верить, куда идти? Их духовное устремление пыталось разгадать в тайне своей извечно притягивающее и непостижимое: что есть человек, как и откуда он пришел в свою земную обитель? куда, с чем и зачем ему идти далее?.. И главное – сможет ли он «собраться, сосредоточиться» (А. М. Горчаков) в своем сознании, чтобы затем с идеей соборного равенства, единственно безысходно-необходимой в земном выборе, пойти далее? Ибо завет Христа, ниспосланный на землю – «не хлебом единым жив человек» – возлагает на последнего и неисчерпаемо высокую духовную ответственность за все, творимые им связи и всплески в своей истории и в своем действе в миру.

Вот после известной разлуки в трактире уездного городка, несколько уничижительно названного Скотопригоньевском, встречаются два брата – студент университета Иван и послушник монастырского старца Алеша,

чтобы «предвечные» вопросы разрешить: есть ли Бог, есть ли бессмертие? О социализме и об анархизме поговорить, о переделке всего человечества [3]. Раздумье о жизни земной и запредельной – тема явно трансцендентная, богочеловеческая, внесшая начало обобщенно-трагическое в пятикнижие Достоевского, благодаря чему это творение нередко сближают в критике с пятикнижием пророка Моисея.

Итак, в творчестве Достоевского все существенные грани бытия связываются с темой апокалипсиса, мирского спасения и преображения, с идеей исторической миссии России

и особой миссии русского народа, соборно освоившего жизненное пространство на трех континентах Земли. Кстати, впервые ростки данной склонности у писателя обозначились в «Зимних заметках о летних впечатлениях», написанных им после первой поездки в Европу, где ему воочию предстали лишенные духовной Истины и оттого нечистые в своей яви плоды западной цивилизации. Потом эта тема стала предметом «апокалипсического» раздумья писателя и в «Записках из подполья», и во всей трагической прозе – от «Преступления и наказания» до «Братьев Карамазовых» и «Бесов».

Список литературы

1. Булгаков С. Н. Иван Карамазов как философский тип // О Великом Инквизиторе: Достоевский и последующие. Москва. 1991, С. 193–216.
2. Достоевский Ф. М. Бесы. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 7. Ленинград: Наука, 1990.
3. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 10. Ленинград: Наука, 1990.
4. Киреевский И. В. Критика и эстетика. Москва: Искусство. 1979. 68 с.
5. Лосев А. Ф. Страсть к диалектике. Москва: Советский писатель, 1990. 320 с.
6. Неизвестный Достоевский // Литературное наследство, Том 83. Москва: Наука, 1971. С. 679–693.
7. Русское мировоззрение. Под ред. О. А. Платонова. Москва: Православное издательство «Энциклопедия русской цивилизации». 2003. 228 с.

*

Поступила в редакцию 25.03.2023